

Эльвира Воронцова, Лариса Нургалеева (Томск, Россия)
**БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКАЯ МИФОЛОГИЯ
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПОСЕЛКОВ СИБИРИ
В КОНТЕКСТЕ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛКА ВИЛЕНКА ТОМСКОГО
УЕЗДА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

История Сибири богата не только памятью об освоении бескрайних просторов и природных ресурсов, но и чрезвычайно насыщенной переселенческой мифологией. В ней заметное место и по сей день занимает мощный мифологический пласт о польско-белорусском происхождении живущих здесь семей. По сей день в нашем городе существуют польские и белорусские сообщества, связи внутри которых тесно переплетены [23]. Помолки прежних переселенцев стараются говорить на белорусском и польском языках, исполнять национальные песни и музыку, играть театральные пьесы, обмениваться документами, фотографиями, письмами из семейных архивов, разыскивать старые географические карты. Многие посещают Римско-католический польский костел Покрова Пресвятой Богородицы прицеры святого Розария, построенный в Томске в тридцатые годы девятнадцатого века по настоянию поляков, сосланных в Томск [24].

Вопрос «Откуда родом были наши предки?» является одним из ключевых для самоидентификации сибирского населения. Самые общие знания о нескольких волнах переселения из Польши и Белоруссии в Сибирь слишком масштабны для понимания конкретных деталей семейной мифологии. Стремление найти фактуру собственного рода заставляет многих обращаться к сохранившимся в архивах историческим документам и вести генеалогический поиск год за годом, отправляться в этнографические экспедиции. Как показало знакомство с потомками переселенцев, перебрававшихся в Томскую губернию в конце XIX — начале XX века, подобная ситуация сложилась во многих сибирских семьях. Мы хотели бы показать типичную ситуацию, связанную с трансформацией родового мифа о белорусско-польском происхождении, происходящей на фоне сопоставления архивных данных, воспоминаний потомков переселенцев и документов из семейных архивов. Наш опыт во многих отношениях является типичным, как и поисковые проблемы, встающие перед людьми, занимающимися восстановлением исторических родовых связей.

Отправной точкой генеалогического поиска явились рассказы старших о прабабушках. Их образ складывался из таких деталей: одна приехала из Варшавы, другая — из Вильно. Одна очень хорошо говорила на польском языке.

пераліку, натуральна, выпадае ў той час), а таксама сама магчымасць лёсу прафесійнага паэта, прэзаіка, крытыка (хай сабе і праз датацыйныя, а значыць, у пэўнай ступені маніпуляцыйныя механізмы) ствараюць пэўную мадэль літаратурнага поля і рынку і дазваляюць маладым літаратарам максімальна эфектыўна рэалізаваць свой патэнцыял, прытым у вельмі кароткі, як паказвае практыка, тэрмін. Фактар моцнага літаратурнага цэнтру, відавч, таксама тут неабходны і абавязковы.

Трэцяе. Жанравая развітанасць, дынаміка, нарэшце, прадстаўленасць-непрадстаўленасць на пэўных гістарычных этапах тых ці іншых жанраў, дамінаванне адных і заняпад іншых, відавочна, вельмі моцна ўзаемазвязаны з узроўнем інстытуцыянальнай развітанасці і запатрабаванымі чытача. Але і чытач таксама фарміруецца праз інстытуцыі і ствараецца самай літаратурай, і ягонае з'яўленне, як і сам фармат кніжнага рынку, узаемазвязаны літаратура-чытач, залежыць ад нейкага «першапачатковага». Інакш кажучы, на пытанне, што з'яўляецца раней — чытач або літаратура, трэба, відавч, адказваць — літаратура, нават у выглядзе не зусім залежнай ад дзяржавы і ідэалогіі. Гэты механізм сувязі быў напрацаваны «Нашай Нівай», быў змадэляваны ў значнай ступені дзяржавай у 1920-я гады ў Савецкай Беларусі, але не быў рэалізаваны — ва ўсялякім выпадку, напачатку — у Заходняй Беларусі.

Гэта толькі некалькі пытанняў, якія паўстаюць пры спробе «ўбудаваць» заходнебеларускую літаратуру ў якасці паўнаважнай часткі агульнабеларускага літаратурнага працэсу. І, як здаецца, менавіта кампаратывны аспект аналізу дзвюх частак адзінага цэлага дапаможа нам зразумець многія заканамернасці развіцця ўсёй беларускай літаратуры XX стагоддзя.

До сих пор ее образ в воспоминаниях внуков ассоциируется с конкретными оборотами польской речи. Прабабушки были представительницами семей переселенцев, сосланных в Сибирь после восстания. Эти размытые образы и семейный миф были слишком малоинформативными, поэтому нужны были более объективные сведения. Несколько основных аспектов интересовало нас на первом этапе исследования: почему и откуда именно приехали наши предки, какова была их национальность и вероисповедание, какие родственные связи существуют между известными нам фамилиями переселенцев.

С тем чтобы по крупицам собрать более достоверный материал, нам пришлось на протяжении пятнадцати лет заниматься изучением материалов государственных и личных архивов, выезжать в малые этнографические экспедиции в окрестные поселки, записывать сведения со слов «очевидцев», собирать разрозненные коллекции фотографий и документов. В этом году нам удалось посетить места проживания наших прадедов в Белоруссии и познакомиться с людьми, которые еще помнят наших родственников и историю их переселения в Сибирь. Постепенно от генеалогического поиска мы перешли к просопографическому исследованию: родственные связи так тесно переплетены, что для того, чтобы восстановить их структуру, нужно изучить данные обо всех жителях переселенческого поселка Виленка, а порой и соседних селений.

Что открыли архивные документы? История переселения наших предков тесно связана с историей жителей нескольких поселков Томского уезда Томской губернии, являющейся одной из самых малозаселенных земель за Уралом [1]. Но в большей степени она привязана к поселку Бросовскому. К моменту приезда переселенцев он был обжит старожилками — выходцами из Пензенской, Вятской, Калужской губерний Российской империи. С 1898 г. Бросовский стал одним из многочисленных мест, где осели выходцы из Виленской, Витебской и других окрестных губерний. В 1904 г. он был переименован в поселок Виленка, что соответствовало изменившемуся за время переселенческой кампании составу населения. Сегодня это небольшой даный поселок. Уникальная среда переселенческого быта и истории во многом утрачена. По истечении почти полутора веков со времени переезда в Сибирь невозможно встретить человека, который рассказывал бы во всех нюансах историю переселения наших предков, но важным источником объективной информации остаются архивы.

Новые сведения позволяли раз за разом уточнять исходные данные. Например, по материалам метрических книг составлен Виленский некрополь (1899–1919 гг.), список брачных пар с указанием поручителей, уточнены даты рождения, причины смерти жителей деревни и т. д. Были сформированы обширные генеалогические схемы, создана схема расположения домов переселенческого поселка с именами хозяев. Однако трудность сбора информации такого рода связана с тем, что архивные коллекции часто

включают в себя неполную информацию. Она разбросана по разным тематическим разделам или нередко относится лишь к выборочным периодам истории поселений. Кроме того, представители одного и того же семейного клана могли крестить детей, венчаться и отпевать усопших в разных местах: одни — в православной церкви, другие — в католическом храме. Большая часть населения принадлежала епархии Русской православной церкви. Католической веры придерживались немногие. Соответственно, документы о близких родственниках могли храниться разными религиозными конфессиями. Подобная ситуация была характерна и для Белоруссии [5–7]. В поселке Пруды, например, и по сей день существуют и православный храм, и католический костел.

Вернемся к начальному мифу об истории переселения. Напомним, что многие из опрошенных нами потомков переселенцев были уверены, что их предки были повстанцами, высланными из Польши. Однако исследование архивных документов показало, что переселенцы в основной своей массе были детьми и внуками крепостных крестьян, выехавших из-за малоземелья в Сибирь. Стимулом явилась государственная политика России того периода и возможность получения посемейной путевой, строительной и сельскохозяйственной суды. Документы о них сохранились в Государственном архиве Томской области (ТАТО) [3; 4; 8; 18; 20]. Они представляют собой интересный материал для различных форм анализа. Переселенцами, приехавшими в Виленку, становились и беженцы в период революционных волнений на железной дороге в г. Виленку в 1905 г. и Первой мировой войны. Они ехали к родственникам, уже обжившимся в Сибири. Нужно сказать, что такая категория, как «ссылные», в период переселенческой кампании тоже существовала [16]. Но они не имели отношения к истории водворения крестьян в Томскую губернию.

В Сибири переселенцы продолжали родниться между собой. Несмотря на то что имущественное положение и социальный статус порой сильно отличались, они поддерживали родственные связи через браки детей на протяжении нескольких десятилетий [2]. Нужно отметить, что реальные связи традиций польской и белорусской культуры прослеживались и на бытовом уровне, и на культурном. Это отражалось в языке, организации жилья, приемах приготовления пищи, ведения хозяйства и т. д. Судя по анализу национальной структуры регионов, из которых выезжали переселенцы Виленки, больше половины населения составляли белорусы, но также она включала в себя литовцев, латышей, евреев и поляков [6–7]. Однако в период коллективизации произошло стирание исконных национальных черт и многие люди по документам значились как «русские». Позже, в драматический период репрессий, указание на национальность могло быть одним из отягчающих факторов при формировании обвинений НКВД. Это хорошо видно из анализа известных «расстрельных дел».

Не имея возможности показать все этапы перехода от мифологического толкования семейной истории к ее более объективным описаниям, остановимся лишь на вопросах географии переселения. Данные такого рода в архивах хранятся разрозненно. Для выявления информации потребовалось сведение воедино информации, полученной из фондов ГАТО, Государственного исторического архива Литвы в Вильнюсе (ГИАЛ), районного архива Томского муниципалитета Томской области (РАТМ) и т. д. Географические сведения содержатся в прошениях о зачислении на участки земель и списках переселенцев, в протоколах, списках и ведомостях, связанных с выдачей суд переселенцам [3; 4; 8; 12–15; 17; 18; 20–22]. Другой достоверный источник — Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. [9]; содержали важные географические данные и некоторые записи в Метрических книгах Петропавловской церкви с. Некрасовского (Петропавловского) [10–11].

Результаты систематизации собранных географических данных показали, что большую часть жителей поселка Виленка составляли приехавшие из Виленской и Витебской губерний. На момент переезда в 1898 г. эти территории относились к России [6–7]. Из *Дисненского уезда Постапской волости* прибыли семьи Лысенко (д. *Алашиковцы*) и Куриловичей (д. *Дубравы*) — предположительно из соседних деревень, ранее принадлежавших помещику Людянскому. Николай Петрович Лысенко приехал уже женатым на Аниесе Андреевне, урожденной Курилович. Янковский Иван Михайлович со своим многочисленным семейством переселился из Виленской губернии. *Лидского уезда Лядской волости* д. *Прудцы*. Эта деревня до отмены крепостного права принадлежала помещице графине Урусской. Из *Гончарской волости* этого же уезда в Виленку переехали семьи Кумпяков, Дычковых, Митюкевичей, Быстрицких, Школки, Говоров, Буяков. Они проживали с середины XVIII в. в деревнях, входивших до 1861 г. в состав имения Вашкевичи и принадлежавших помещикам Ленским. Из Витебской губернии приехали семьи Вагалеи (д. *Липская Резицкой уезда Розенлужской волости*), Поплавских и Мартусевичей (с. *Освей Дриссенского уезда Освейской волости*). Как мы видим, подтверждения мифу о том, что приехавшие были ссыльными переселенцами из Польши, мы не находим.

Но нельзя не сказать об одном важном источнике формирования белорусско-польской мифологии сибирских семей. Виленская и Витебская губернии пережили несколько этапов государственно-территориального переподчинения. Направляется вывод о том, что необходимо более глубокое изучение истории этих земель. Примечателен факт: в «Ревизской сказке крестьян Лидского уезда» за 1795 г. все сведения даются на польском языке [19]. Возможно, здесь кроется один из интересных аспектов дальнейшего изучения польско-белорусского мифа...

Итак, накопившийся опыт сопоставления белорусско-польской мифологии переселенческих поселков Сибири с данными архивных поисков позволяет утверждать, что фрагментарные знания, передаваемые из уст в уста, могут искажать реальную картину семейной истории. Они требуют тщательной проверки и анализа данных из разных источников исторических данных. Перспектива сегодняшнего дня во многом связана с развитием сетевых проектов, которые позволят изучать исторические, генеалогические, национальные, религиозные аспекты истории на более объективной основе благодаря открытым ресурсам архивных данных и свободному обмену информацией между людьми, занимающимися генеалогическими исследованиями. Это не означает, что мифологические компоненты семейной истории исчезнут совсем, но она приобретет более реальные очертания, и передаваемые от поколения к поколению родовые легенды будут более исторически достоверными.

Литература

1. Белянин, Д. Томская губерния на рубеже XIX–XX веков / Д. Белянин. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://statehistory.ru/books/Dmitriy-Belyanin-Stolypinskaya-pereselencheskaya-politika-v-Tomskoy-gubemii-1906-1914-ss-2>. — Дата доступа: 18.06.2014.
2. Ведомости о материальном положении переселенцев. 1898 г. // ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 4.
3. Ведомости учета суд переселенцев Томского уезда // ГАТО. Ф. 196. Оп. 19. Д. 2017.
4. Ведомости о суммах, выданных в путевое пособие переселенцам 1898 г. для водворения в Томскую губернию // ГАТО. Ф. 196. Оп. 19. Д. 317. Л. 24–87.
5. Виленская и Литовская епархия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> — Дата доступа: 18.06.2014.
6. Виленский край [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> — Дата доступа: 18.06.2014.
7. Витебская губерния [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> — Дата доступа: 18.06.2014.
8. Дело о выдаче переселенцам поселка Бросовского ... дополнительной суды // ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 224 (1898 г.); Оп. 46. Д. 614 (1900 г.).
9. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. // ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 217.
10. Метрическая книга, данная из Томской духовной консистории причту Петропавловской церкви села Некрасовского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших // ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 530. Л. 104–150; Д. 583. Л. 53–69 об. (1901 г.); Д. 600. Л. 1–60 об. (1917 г.); Д. 600. Л. 171–205 об. (1916 г.).
11. Метрическая книга родившихся, бракосочетавшихся, умерших Петропавловской церкви, с. Некрасовское и с. Петропавловское // РАТМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 77 (1898–1904 гг.); Д. 117 (1905–1908 гг.); Д. 136 (1909–1911 гг.); Д. 155 (1912–1914 гг.); Д. 174 (1915–1919 гг.).
12. О водворении переселенцев // ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 12.

13. О причислении переселенцев по месту жительства // ГАТО. Ф. 196. Оп. 10. Д. 1074.
14. О причислении переселенцев пос. Виленка Петропавловской волости // ГАТО. Ф. 196. Оп. 8. Д. 956.
15. О причислении переселенцев пос. Бросовка Петропавловской волости // ГАТО. Ф. 196. Оп. 8. Д. 989.
16. О ссыльных, прибывших в октябре и ноябре 1897 г. и январе 1898 г. // ГАТО. Ф. 196. Оп. 9. Д. 499. Д. 556; Оп. 10. Д. 1060.
17. По прошениям крестьян о перечислении их в разные волости // ГАТО. Ф. 196. Оп. 8. Д. 70.
18. Постановления общего присутствия Томской казенной палаты, протоколы волостных правлений по вопросу исчисления переселенческих ссуд и переписки с Витебской и Херсонской казенными палатами о причислении задолжности по переселенческим ссудам с 08.01.1915 г. по 22.09.1917 г. // ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 1076.
19. Ревизская сказка крестьян Лидского уезда. 1795 г. // ГИАЛ. Ф. 515. Оп. 15. Д. 155.
20. Списки о выдаче ссуды переселенцам, водворенным на Бросовском участке Нелюбинской волости Томского уезда за 1898–1900 гг. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 412. Д. 614.
21. Списки переселенцев разных участков и волостей. 1901 г. // ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 8.
22. Список переселенцев, прибывших из России для водворения в казенные земли в Томскую губернию. 1897 г. // ГАТО. Ф. 196. Оп. 8. Д. 35.
23. Томская область. Объединения национальных меньшинств. Национально-культурные автономии и НПО [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.indem.ru/cerpts/Minorities/Tom/Tom09.htm>. — Дата доступа: 18.06.2014.
24. Томская Римско-католическая Церковь Покрова Пресвятой Богородицы царицы святого Розария [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dom-polski.ru.ru/russian/kostiok/costiok.html>. — Дата доступа: 18.06.2014.

Святлана Снапкоўская (Мінск, Беларусь)

СУЧАСНЫЯ НАПРАМКІ ДАСЛЕДАВАННЯ БЕЛАРУСАЗНАЋСТВА: РАСІЙСКІ ВЕКТАР

На сучасным этапе нямала даследаванняў прысвечана важнай навуковай праблеме — беларуска-польскім адносінам у навукова-культурнай сфера. Але пытанні беларусазнаўства сёння таксама плённа вывучаюцца не толькі заходнімі навукоўцамі, але і ўсходнімі. Я маю на ўвазе перш за ўсё дзейнасць нашых аўтарытэтных акадэмічных расійскіх школ, добра вядомых яшчэ з савецкіх часоў. Выбар тэмы майго артыкула звязаны з працэсамі расійска-беларускай інтэграцыі, скіраванай на збліжэнне нашых краін і народаў у